

FEEDBACK

Александр Бикбов

Ситуация в Латвии и России по отношению к русскому вопросу принципиально отличается

Представленная публикация — интервью, данное Александром Тахировичем Бикбовым после выхода в свет Альманаха, посвященного теме интеллигенции

Интеллектуал — это и есть интеллигент

Для вас важным определением интеллигенции является независимость суждения, которое может отправляться публично. И вы противопоставляете это определение интеллигенции интеллектуалу. В этом определении интеллектуалом называется субъект, обслуживающий власть. Мне важно заметить: во французском смысле то, что вы обозначаете как интеллигенция, называлось интеллектуалом в начале XX века. Из XX века пошло само это слово, определение.

Интеллектуал — это тот, кто критически относится к действиям власти, к власти, которая навязывает определенную точку зрения. И первый жест, который создает человека образованного, общающегося с себе подобными интеллектуалами, это открытое суждение о том, что в этом мире происходит что-то не так. Открытое, публичное действие и с самим этим открытым, публичным жестом, актом превращающееся в политическое целое. Та точка, где независимое суждение превращается в публичное и политическое и есть место интеллектуала во французском смысле, а для вас интеллектуал — это не интеллигенция. Это дискуссия может иметь отношение скорее к истории понятия, чем к реальности, которую вы обозначили. Но мне кажется, что довольно важный момент заключается в том, что имеет смысл вести в таком случае спор не о терминах, а скорее о позициях, о стратегиях, о функциях этой прослойки людей, превращающих свое независимое мнение в политический жест, в политическую позицию. И вопрос, который вы задаете, или серия вопросов так или иначе связаны прежде всего с будущим этой позиции.

Более жизненное звучание приобретает не спор о терминах, не противопоставле-

ние интеллигенции интеллектуалу, а ответ на вопрос, откуда берутся такие люди и как возможно само политическое суждение, вернее интеллектуальное суждение, которое превращается в публичный жест.

Чем отличается ситуация в России от ситуации в странах Балтии

В этой связи, мне кажется, ситуация довольно сильно различается в России и в Латвии, по крайней мере в том немногом, что я имел возможность наблюдать за свое короткое пребывание в Риге. Я думаю, правильно понял, что русская культура, поддержание русской культуры сегодня в Латвии является наиболее легитимной формой политической борьбы.

Иначе говоря, выражаясь собственно в политических терминах — русский образованный слой, носители русского языка, русской культуры не могут иначе выражать себя в политическом пространстве как движение, как партии и как политическое образование.

И характерное отличие рижской ситуации в отношении русской культуры от российской заключается в том, что в сохранении этой культуры участвуют разные слои населения: и предприниматели, и, так скажем, политики, которые не обязательно имеют отношение к культуре как таковой, и преподаватели. Я имею в виду университетских преподавателей и школьных учителей, которых сам вопрос о русской культуре объединяет в большей степени, чем содержательная канва отдельных инициатив. Вопрос о русской культуре, таким образом, становится еще одной возможностью для кооперации всех русских, живущих в Латвии. И именно это оказывается единственным способом легально и легитимно объединиться в политическом поле Латвии для того, чтобы продолжать свою политическую борьбу, не опасаясь преследований

или санкций за то, что вы противоречите некоторой национальной концепции государства.

И это конечно составляет очень важное отличие от собственной российской ситуации, в которой не надо никому доказывать важность русской культуры или русской духовности, более того, для России все это слишком банально. Сами разговоры о русскости в России, как правило, на интеллигентных людей производят довольно тяжелое впечатление. Это такое официальное тяжеловесное неуклюжее навязывание какого-то консервативного образа культурного мышления. В то время как реальная дифференциация культурных, интеллектуальных позиций, в том числе профессиональных строится на совсем иных основаниях.

То есть в России русскость не является реальным основанием, а скорее является фантомом, который определяется куда-то вовне, сталкивается с воображаемыми внешними опасностями... враги окружили Россию!.. и так далее.

Разговоры о русской культуре в России становятся некоторым инструментом в руках консервативных политических фракций. В последние годы все больше и больше производство культуры оказывается связано с политическим производством, с производством политических смыслов, политических позиций.

Сегодня в российском культурном пространстве все более отчетливо выражены какие-то левые позиции. Не в смысле КППРФ, то есть политической организации, по существу уже не являющейся левой организацией, а в смысле критического отношения к государству, к пониманию того, что социальная связь и некоторая коллективная реальность конституируется культурой. То есть что происходит в Балтии, все больше походит на европейскую классическую ситуацию с одной стороны, с другой стороны у нас в России открывается противоположный полюс — правые и ультраправые интеллектуалы, которые призывают к постановке или к переформулировке вопросов о социальной связи, социальной справедливости, о социальной структуре в терминах расы, в терминах этнической общности, имеющей естественное происхождение.

В России есть небольшое число интеллектуальных экстремистов, которые утверждают в терминах XIX века, что культура передается генетически по наследству среди русских и так далее. И русские здесь в российском собственном пространстве оказываются скорее не определяющим признаком в производстве культуры и интеллектуальных позиций, а принадлежностью той ограниченной ультраправой и только одной политической фракции.

Это делает ситуацию в Латвии и в России к отношению русского вопроса принципиально различающейся. То есть вряд ли вы как человек, который организует русские семинары здесь, в Риге, подали бы руку тем, кто активно продвигает русскость, русские темы, русские вопросы и так далее в терминах расовой теории в России. И в этом контексте, мне кажется, есть еще один довольно важный момент несходства. Он требует определенного времени для того, чтобы узнать в том, кто говорит на другом языке, мыслит другим пространством культурных различий своего близкого по замыслам, по задачам коллегу и союзника. И как раз ваш гуманитарный семинар SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS и выступает в роли такой машины по переработке этого различия. Продвигая русскую культуру, вы на самом деле приглашаете участвовать в семинаре четко видимую фракцию интернационально ориентированных интеллектуальных производителей, которые не связывают себя внутри России с этим консервативным определением русскости, а которые, напротив, выходят на международный уровень дискуссии, рефлексии и, собственно говоря, демонстрируют принадлежность русской культуры к мировому международному пространству культуры. Это важный момент вашей инициативы как и любой другой подобной инициативы в России. В этой инициативе важно, что есть самоуправляемые и производящие некоторый автономный смысл структуры в специфических политических условиях Балтии. Они являются местом формирования этой интеллектуальной диспозиции, попытки мыслить независимо от любых институций и в какой-то момент выводить это независимое суждение в публичные и политические действия.